

Евгений НОСОВ: Дорога к дому (отрывок)*

Курск!

Нет! Еще не вокзал. Пока только все те же заречные кручи, но уже в высотных башнях домов, то тут, то там вырвавшихся из зелени. Город на горе, город на заре — проснутся стихи... Я не знаю здесь, в центре России, других таких городских высоко вознесшихся силуэтов. Тула? — нет, равна, как столешница. Орел? — тоже нет. Разве что Киев, который некогда срубил и наш Курск себе в подобие. И мы горды, что нам сегодня девятьсот пятьдесят. Впрочем, это ведь только летописное упоминание. Наверняка нам тысячу, а то и за тысячу. Кто теперь знает точно?.. Знаем только, что когда в самом начале XI века отрок Феодосий ушел из Курска, чтобы стать игуменом Киево-Печерской лавры, а затем остался в веках одним из первых наших любомудров и просветителей, в Курске уже были книги. Стало быть, были и полки для книг, а над полками — крыша, а крыши — это уже город... И стоял он, высокий, теремной и башенный, как раз на самом лезвии хребта между Тускарью и Куром. Как раз там, на княжеском подворье, колыхались копыта и пики дружины буй-тура Всеволода, уходившего в знаменитый степной поход. Именно оттуда, с тех курских высот, прозвучало гордое Всеволодово слово:

«А мои ти куряне сведоми кмети: под трубами повити, под шеломы взлелеяны, конец копия вскормлени, пути им ведоми, яругы им знаеми, луци у них напряжени, тули отворени, сабли изострени, сами скачут, аки сери влци в поле, ищучи себе чти, а князю славе».

<...> Проходили века, менялся облик города, принимал другие очертания его водораздельный силуэт. Был он крепостным оплотом Киевской Руси — нагрянул Батый, спалил все дочиста. Потом пришли стрельцы и пушкари, отстроили все заново, и стал он оплотом Руси Московской...

Но ни в какие века так не менялся Курск своим лицом и душой, как в наше, советское время, а точнее сказать, за послевоенные годы. Многие куряне, живущие в других концах страны, скажем, лет двадцать, уже с трудом узнают его улицы. А такие, как улицу Ленина или Радищева, или, допустим, Энгельса и Карла Маркса — вовсе не узнают. А разве узнать наше завокзалье или рышковское засеимье?

Я ведь еще помню это довоенное засеимье тридцатых годов. То были просто деревеньки: Ламоново, Рышково, Цветово, Гуторово... Неказистые соломенные деревеньки, с плетнями, плетневыми хлевами, с серо одетыми бабами и мужиками. От города их отделяла речная уремная чашоба, через Сейм был

переброшен хилый деревянный мосток. В ночь они собирали свои возки на воскресный базар, к рассвету по булыжной мостовой взбирались на Белую гору (ныне многоэтажная улица Энгельса) и, тряся и соря сеном, полоша сонные пригородные улицы кекеканьем гусей, скрипом колес и цоканьем копыт косматых низкорослых лошадеенок, спешили по Дзержинской и по Красноармейской на Покровский рынок.

Да и сам город, честно сказать, не ахти как выглядел в те годы. Давайте мысленно уберем все, что мы настроили за последние два десятка лет, а вместо этого поставим прежние мещанские домочки и купеческие потуги на жалкую двухэтажную респектабельность. Сдерем до булыжника весь асфальт, посыплем сверху конским навозом и сенной трухой, ибо булыжные улицы мести метлой было просто невозможно, и их время от времени смывали лишь летние ливни. Давайте к этому прибавим темень и грязь заштатных улиц и переулков, подслеповатые лавчонки, пропахшие рогожей и керосином, натыкаем пожарных вышек, которые, однако, не избавляли город от пожаров, служивших зрелищем для босоногих курских мальчишек. Хилые предприятица, жестяной трамвайчик, еще не ходивший к вокзалу и едва пробивавшийся к Барнышевке...

Это город в первую свою пятилетку. А что же тогда было до революции? Гляжу на старые фотографии Курска. На Красной площади, где ныне чистота, торжественный порядок, голубые ели и памятник Ленину, на этой самой площади неопрятно, муравейно копошатся людом обжорные ряды. <...> Московская улица (ныне имени Ленина), кривой телеграфный столб, городской с тяжелой саблей на углу Почтовой и пароконный экипаж. А в экипаже — барчук в жилетке и с усами, закрученными по-кайзеровски. <...>

Нет, не хотел бы я жить в том Курске. Мне бы до зубной боли не доставало и света в широких окнах, и таких привычных теперь киосков «Союзпечать» на углу с их россыпью всевозможных газет и журналов, не доставало бы разлива цветов на газонах, шумных, говорливых стаях студентов на улицах и скамейках. <...>

...Я не отрешиваюсь от прошлого, время отсеяло в нем много хорошего, чем можно поистине гордиться. Но я живой человек, и мне свойственно и естественно любить все живое, настоящее, сегодняшнее. А следовательно, и все то, что грядет завтра.

Я люблю утро.

Вот оно встает над родным городом. В окнах домов, пока только самых последних этажей, воссиянно отражается взошедшее солнце. И кажется, будто город открывает глаза и еще издали приветно всматривается в бегущий в его объятия поезд.

*Здравствуй, Курск,
Темностае прохоже!
С дороги нелегко стряхну:
Я не был столько дней...
Все повидал,
Но ничего не надо
Врагом тебе,
Твоих радных камней.*

Е. Носов